

И. БУНИН: ОТ ТИПОЛОГИИ К АНТРОПОЛОГИИ. К ЭВОЛЮЦИИ БУНИНСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2020 г.

Аннотация: в статье рассматривается творчество И. Бунина 1910-х годов, когда писатель от традиции изображения крестьянских типов переходит к изучению русского национального характера. Концептуально эта мысль заявлена в повести «Суходол», в которой писатель сосредоточил внимание на темах «древней семейственности», на мысли, что у дворян и крестьян «душа одинаково русская». Идея национального взаимопонимания становится этапом на пути оформления важной для И. А. Бунина мысли о «древнем детстве» человечества, об антропологической общности всех живущих.

Ключевые слова: И. Бунин, миропонимание, типология, антропологическая общность, русский национальный характер.

Abstract: the article deals with Bunin's literary work of 1910 years when the writer passed from his traditional way of showing peasant people life to studying the Russian national character. Conceptually this idea was already declared in the story «Sukhodol», where the author concentrated his attention on the “ancient family attachment” themes, that is on the idea of exactly Russian soul which was of equal significance for both peasants and noblemen. The meaningfulness of national mutual understanding became Bunin's great stage on his way of putting the idea about “the ancient childhood” of the whole mankind and about the anthropological community of all living people, the idea which was of great importance for the writer himself.

Keywords: I. Bunin, worldview, typology, anthropological community, the Russian national character

Стало «общим местом» утверждение, что Бунин принадлежит к числу наиболее последовательных продолжателей русской классики, не только реалистических традиций, но и ее мировоззренческих установок. Правда такого утверждения опирается на Пушкинские премии (1903, 1909), звание почетного академика по разряду изящных искусств Императорской академии наук (1909). Действительно, И. Бунин входил в литературу как последовательный демократ, в полной мере разделявший взгляды Юлия Алексеевича Бунина (1857–1921), участника революционного народнического движения. Старшего брата И. Бунин очень любил, наследовал и его круг общения. Писатель Н. Д. Телешов, хорошо знавший обоих Буниных, отметил в своих воспоминаниях, что влияние Юлия Алексеевича «на брата было огромное, начиная с детства. Ему как человеку широко образованному, любившему, ценившему и понимавшему мировую литературу, Иван Алексеевич очень многим обязан в своём развитии» [1, 11]

Вместе с тем тень Юлия Алексеевича не заслоняла самобытности молодого писателя. «Бунин представлял собой, – там же свидетельствует Н. Д. Телешов, – одну из интересных фигур на “Среде”. Высокий, стройный, с тонким, умным лицом, всегда хорошо и

строго одетый, любивший культурное общество и хорошую литературу, много читавший и думавший, очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался, легко схватывавший суть всякого дела, настойчивый в работе и острый на язык, он врожденное свое дарование отграничил до высокой степени. Литературные круги и группы, с их разнообразными взглядами, вкусами и искательством, все одинаково признавали за Буниным крупный талант, который с годами все рос и креп». Именно «крупный талант» позволил И. Бунину не только «отграничить» «врожденное свое дарование» до высокой степени, но заложить свою собственную традицию в литературе рубежа XIX и XX веков, блиставшей столь многими талантами.

Поворотным моментом в творческой биографии И. Бунина стала публикация повести «Деревня» (1910). Писатель заставил читающую и мыслящую Россию говорить не только о художественных особенностях новой повести. Выведа, казалось бы, привычную галерею крестьянских типов – от «первонакопителя» до правдоискателя – он предложил новый взгляд на давно освоенные сюжеты. Новизну авторской позиции точно почувствовал чуткий к проблемам современности М. Горький, справедливо заметивший, что повесть «Деревня» заставляет «разбитое и расшатанное русское общество серьезно за-

думаться уже не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом – быть или не быть России» [2, т. 3, с. 473].

Повесть «Деревня» начинала собственно бунинское исследование темы России, результаты которого, как выяснилось довольно скоро, не совпали с привычными позициями не только народолюбивой русской литературы, но и критически настроенного к ней М. Горького. Зафиксировав страшный быт русской деревни, И. Бунин, тем не менее, не согласился видеть в нем лишь социальное расслоение, прямые последствия крепостничества. Сюжет «Деревни» изобилует жесткими бытовыми зарисовками, на какие не скупилась народническая литература тех лет, но не ими поражает. Читателя не могут не остановить размышления героев, в которых внезапно обнаруживаются и широта видения проблемы, и отсутствие традиционных жалоб на лихоимство помещиков, на собственную бедность.

«Господи боже, что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! а пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, – ест же этот хлеб досыта сто человек во всем городе» [2, т. 3, с. 20], – передает И. Бунин мысли «миродея» Тихона, нынешнего хозяина Дурновки. Как видим, они далеки от жалоб некрасовских крестьян на «несжатую полосу». Горечь его размышлений обращена не к не таким, как он. Потомок крепостного, своим сегодняшним благополучием Тихон обязан только себе: «Значит, была башка на плечах, если из нищего, едва умевшего читать мальчишки вышел не Тишка, Тихон Ильич...» [2, т. 3, с. 49]. Преодолевший жизненные испытания, он не гордится достигнутым, он размышляет о месте человека на земле, о его умении выстроить собственную, достойную жизнь. Бунинский «лютый» хозяин задает вопросы, сходные с теми, какими задавались ищущие герои русской дворянской литературы XIX века, пытавшиеся понять причины безотрадной русской жизни.

Брат Тихона, поэт-самоучка Кузьма, на собственные средства выпустивший книжечку стихов, воспроизводит иную, но не менее распространенную точку зрения: «Рабство отменили всего сорок пять лет назад, – что ж и взыскивать с этого народа» [2, т. 3, с. 78]. С ним не соглашается «базарный вольнодумец и чудак» Балашкин: «Я, брат, ежели литературу-то захочу тряхнуть, всем богам по сапогам найду!» [2, т. 3, с. 68]. И на распространенные в «книжной» среде утверждения, что Платон Каратаев есть «признанный тип этого народа», Балашкин решительно возражает: «Почему Каратаев, а не Разуваев с Колупаевым, не мироед-паук, не поп-лихоимец...» [2, т. 3, с. 68], не разделяя русских людей по социальному признаку.

Возражения Балашкина претендовали на более глубокие обобщения. Бунинская «Деревня» воспроизводила широкий спектр жесткой полемики о России, ее народе и ее будущем, которая, с точки зрения писателя, была достоянием не только интеллигент-

ской среды. Бунинские крестьяне тоже думали об устройстве своей и общей жизни, говорили о русском человеке «в широком смысле». Эти идеи, заявленные уже в качестве авторской позиции, И. А. Бунин формулирует в период работы над повестью «Суходол».

«Книга о русском дворянстве, как это ни странно, далеко не дописана, работа исследования этой среды не вполне закончена. Мы знаем дворян Тургенева, Толстого. По ним нельзя судить о русском дворянстве в массе, так как и Тургенев и Толстой изображают верхний слой, редкие оазисы культуры. Мне думается, что жизнь большинства дворян России была гораздо проще, и душа ее была гораздо типичней для русского, чем ее описывают Толстой и Тургенев. <...> Мне кажется, что быт и душа русских дворян те же, что и у мужика; все различие обуславливается лишь материальным превосходством дворянского сословия. Нигде в иной стране жизнь дворян и мужиков так тесно, так близко не связана, как у нас. Душа у тех и других, я считаю, одинаково русская» [3, 528].

«Очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался» (напомним оценку Н. Д. Телешова), И. А. Бунин предложил своей стране другой, не сословно-политический, уровень разговора, мотивировав его хорошим знанием реальной жизни: «В деревне прошла моя жизнь, следовательно, я имел возможность видеть ее своими глазами на месте, а не из окон экспресса...» [2, т. 3, с. 528].

Обратим внимание на то, что эти две очень важные для национального сознания повести И. Бунина написаны между двумя русскими революциями, накануне Первой мировой войны. По значительности их размышлений они соотносимы со сборником «Вехи» (1909). Вспомним, что в этом сборнике русская интеллигенция накануне революции предложила глубокий анализ общественных заблуждений, предсказала их трагические последствия. Один из авторов «Вех», Н. А. Бердяев, много позже, уже в конце жизни, не откажется от наблюдений тех лет: «Трагично для русской судьбы было то, что в революции, готовившейся в течение целого столетия, восторжествовали элементарные идеи русской интеллигенции. Русская революция идеологически стала под знак нигилистического просвещения, материализма, утилитаризма, атеизма. ... Раскол, характерный для русской истории, раскол, нараставший весь XIX век, бездна, развернувшаяся между верхним утонченным культурным слоем и широкими кругами, народными и интеллигентскими, привели к тому, что русский культурный ренессанс провалился в эту раскрывшуюся бездну» [4, 165. Курсив наш. – Т. Н.].

Главные слова в этом фрагменте – *элементарные идеи русской интеллигенции, раскол, бездна*. Ими же можно обозначить главные идеи бунинских «Окайных дней», время переживания которых, как оказалось, было «при дверях» [Матф. 24:34]. Идеям *раскола* и неизбежно следующей за ними *бездны* И. Бунин

попытался в повести «Суходол» противопоставить мысль о единой, национальной русской жизни, об общем «быте и душе» русского человека, крестьянина и дворянина.

Обращает на себя внимание, что «Суходол» отличен от «Деревни» не выбором героев (Бунин всегда писал о деревенских жителях разных сословий), но тональностью повествования. Картины умирающей дворянской усадьбы в целом исполнены в тонах мрачного колорита, а между тем в тексте «Суходола» слова *радость* и *любовь* неожиданно частотны. Для молодого поколения дворян Хрущевых «Суходол был только поэтическим памятником былого», они «восторженно переглядывались», слушая отнюдь не благостные рассказы Натальи о прошлом, «мечтали о том золотом времени», когда они тоже будут «обедать с арапниками на коленях» [2, т. 3, с. 135].

«В оболщении» стариною Суходола живут не только молодые Хрущевы. «В нищете, в избе обитал тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человеческого лишил ее Суходол. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на все уговоры нашего отца, покинуть родовое гнездо...» [2, т. 3, с. 135–136]. Власть «древней семейственности» в повести И. Бунина в равной мере распространяется и на дворян, и на их крепостных.

«Правда, столбовые мы, Хрущевы, в шестую книгу вписанные, и много было среди наших легендарных предков знатных людей вековой литовской крови да татарских князьков. Но ведь кровь Хрущевых мешалась с кровью дворян и деревни спокон веку. <...> Давно, давно пора Хрущевым посчитаться родней с своей дворянкой и деревней!» [2, т. 3, с. 136].

Единство суходольской жизни и дворян, и крестьян опирается не только на трудно прожитые годы. «Сильна она», утверждает И. Бунин, «темной глубинной силой своей да вот еще преданиями, прошлым» [2, т. 3, с. 136]. В контексте литературы рубежа XIX–XX веков, грезившей радикальной переделкой мира и человека, позиция И. Бунина для революционизированного русского сознания выглядела реакционной, охранительной. И с этой точки зрения бунинский «Суходол» уже не мог вызвать одобрительной горьковской оценки.

Всякая переходная эпоха характеризуется сменой культурных и ментальных парадигм. Этот процесс переживала и литература начала XX века, отдавая все свои симпатии будущему. Футурологический посыл, заданный с конца XIX столетия, сам собой отрицал культивирование «предания», памяти, о заволаживающей власти которых столь поэтично говорит бунинский «Суходол».

Как известно, тема прошлого всегда имела над Буниным особую власть, была осознаваема самим писателем. Однако именно с «Суходола» можно говорить о концептуальной значительности *памяти*

в его картине мира. Так, автор широко известной и очень основательной монографии «Иван Бунин» (Frankfurt/Main-Moskau 1994) Юрий Мальцев говорит о феноменологическом мышлении позднего И. Бунина, которое, с его точки зрения, стало складываться задолго до написания романа. И он же для ее характеристики пересказывает позицию Марселя Пруста, содержательно различая термины *воспоминание* и *память*. Память, по Прусту, «это не момент прошлого, а нечто общее и прошлому и настоящему, и гораздо существеннее их обоих, и что память, в отличие от воспоминания, дает не фотографическое воспроизведение прошлого, а его суть» [5, 304].

Соглашаясь с важностью цитированной мысли, хочу отметить, что пересказанная Мальцевым позиция не Прустом впервые отмечена. Ее с древних времен фиксируют философы как одну из базовых особенностей мышления, отмечая ее важную личностную составляющую: «Осуществляя связь между прошлыми состояниями психики, настоящими процессами подготовки будущих состояний, П. сообщает связность и устойчивость жизненному опыту человека, обеспечивает непрерывность существования человек. «Я», т. о., в качестве одной из предпосылок формирования индивидуальной личности» [6, 475].

Да и позиции И. Бунина ближе не М. Пруст, которого он, по собственному признанию, не читал, пока в его романе критика не увидела сходства с европейским прозаиком, а русские философы предреволюционной поры. Уже цитированный Н. А. Бердяев писал, что в памяти «есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть» [4, 10]. Память для русского философа есть «творческий акт, совершаемый в мгновении настоящего. <...> В познании о себе самом человек приобщается к тайнам, неведомым в отношении к другим. Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь» [4, 8. Курсив наш. – Т. Н.].

Понимание памяти как начала духовного пути личности близка миропониманию И. Бунину. Сходный процесс самопознания, приобщения к тайнам рода, человечества переживают все его герои. Юные Хрущевы из повести «Суходол», столь трепетно относящиеся к рассказам Натальи, «молочной сестры» их отца, включаются в общую жизнь «семьи, рода, клана» в момент личностного роста. Их интерес к прошлому, к мужикам, к исходящему от них степному запаху для них часть «древней семейственности», принадлежность к которой столь радостно осознают молодые Хрущевы.

Дальнейшее развитие эта тема получит у Бунина в последующие годы. Покажем это на рассказах «Тишина» (1901) и «Воды многие» (1927), глубинная связь которых прояснит нашу мысль. Оба произведения посвящены близкой И. Бунину теме путешествий, которая для него есть метафора жиз-

ни-познания, обозначение пути к самому себе через прикосновение к общей тайне мира.

Герой рассказа «Тишина» вместе со своим другом путешествует по Швейцарии. « – Знаешь, – говорил мне товарищ, – мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, бывало, только мечтал, глядя на карту, и все хочется напомнить себе об этом. Чувствуешь ты, что вот за этими горами, так близко от нас — Италия? Чувствуешь ты юг в этой удивительной осени? А вон Савойя — родина тех самых мальчиков-савояров с обезьянками, о которых читал в детстве такие трогательные истории!» [2, т. 2, с. 236]

Кажется, что этим монологом путешествие становится погружением в мир европейской культуры, в ее мифологию и поэзию. Чуть позже спутник повествователя вспомнит драматическую поэму Байрона «Манфред», ею заместив непосредственное созерцание природы: «В радуге водопада появляется Дева Гор... Как это прекрасно!» [2, т. 2, с. 239].

Однако этому гимну культуре, творению человеческого гения в рассказе «Тишина» противопоставлен не гармонично живущий человек: «В чем дело? – спрашивает себя и своего спутника герой рассказа. – В кратковременности нашей, в одиночестве, в не правильности нашей жизни? Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира» [2, т. 2, с. 239].

Внутренняя тревога, звучащая в рассказе, есть важная, собственно бунинская, особенность мировосприятия. Спутником писателя в путешествии был Владимир Павлович Куровский (1869–1915), художник, покончивший жизнь самоубийством. В стихотворении «Памяти друга» (1916) И. Бунин воспроизводит признание Куровского, столь знакомое нам по другим бунинским стихам: «Я странно болен – снами, / Тоской о том, что *прежде был я бог...*» (2, т. 1, с. 424. Курсив наш. – Т. Н.).

Рассказ «Воды многие», написанный по следам другого путешествия, уже на древний Восток, внутренне связан с первым рассказом постоянным возвращением к тому, что было *прежде*, стремлением понять его как день сегодняшний.

В обоих текстах есть ссылки на рассказ Мопассана «На воде» (1888), апелляция к культуре, хранящей память человечества. Но если в рассказе «Тишина» обращение к культурной традиции можно было воспринять как способ передачи непосредственных наблюдений, то рассказ «Воды многие» апеллирует к иному пониманию *памяти*, по Н. А. Бердяеву, «как часть моего микрокосма, как мой духовный путь». Меняющееся отношение к рассказу Мопассана в обоих рассказах позволит существенно уточнить авторскую позицию.

Рассказ Мопассана «На воде» открывается обращением к читателю, задающим тональность вос-

приятию текста: «В этом дневнике нет ни связного рассказа, ни занимательных приключений. Прошлой весной я совершил прогулку на яхте вдоль побережья Средиземного моря и ради забавы ежедневно записывал все, что я видел и что думал» [7. Курсив наш. – Т. Н.]. Бунинский рассказ «Воды многие» тоже написан в форме дневника, содержащего как запись подневных событий, так и размышления по их поводу. Однако на этом сходство и заканчивается, потому что бунинское повествование не спокойно-созерцательное, как у Мопассана, а чаще всего тревожно-радостное. «Не могу заснуть, – таким счастливым чувствую себя» [2, т. 5, с. 322]; «...райское (да, истинно райское) чувство» [2, т. 5, с. 325], «...во мне шевельнулось что-то, похожее на радость» [2, т. 5, с. 329].

Сюжетное присутствие «созерцательного» рассказа Мопассана в «Водах многих» завершается многозначительным жестом повествователя: «Дочитал «На воде». – «J'ai vu de l'eau, du soleil, des nuages, je ne puis raconter autre chose...» [«Я видел воду, солнце, облака, больше я ничего не могу рассказать...» (франц.)] Дочитав, бросил книгу за борт» [2, т. 5, с. 333].

Этому жесту-приговору предшествовал вопрос капитану судна, на котором путешествует герой И. Бунина. «...я спросил его, знает ли он эту книгу и нравится ли она ему.

– О да, – ответил он, – это очень мило.

Вероятно, в другое время такой ответ показался бы мне возмутительно глупым. Но тут я подумал, что, пожалуй, он совершенно прав в своей снисходительной небрежности» [2, т. 5, с. 327.]

Созерцательно-размеренная интонация рассказа Мопассана, которому нечего рассказать *о воде, солнце и облаках*, контрастирует с общей тревожно-радостной интонацией рассказа «Воды многие». Для И. Бунина это важная мысль: «Как смешно преувеличивают люди, принадлежащие к крохотному литературному миру, его значение для той *обыденной жизни*, которой живет *огромный человеческий мир*, справедливо знающий только Библию, Коран, Веды!» [2, т. 5, с. 327. Курсив наш. – Т. Н.]

Значение и ценности *обыденной жизни*, древние заповеди, обращенные к твоей душе, объединяют *огромный человеческий мир* : «...чувство связи, – а не может быть связи без почитания, – чувство единства с родившими тебя, с жизнью отцов твоих, расширяет твою собственную, личную, краткую жизнь; возвышая их, воздавая сыновнюю дань своим отцам, утружденным жизненным бременем, таинством Бытия и любовью к тебе, ты возвышаешь самого себя, то есть существо, во всем подобное им: ты их порождение, их плод; чти же древо, давшее плод, если притязает быть и сам достойным почитания, ибо не может быть плода доброго с недоброго древа; единая жизнь совершает свое таинственное странствование через тела наши, – стремись же ощущать это единство и благоговей: в нем твое бессмертие (долгота дней) и

самоутверждение» [2, т. 5, с. 318].

В этом фрагменте И. Бунин фиксирует внезапно открывшееся герою «чувство единства с родившими тебя» (вспомним молодых Хрущевых), с «таинством Бытия» человечества, частью которого каждый из нас является. В бунинском зрелом творчестве, как мы видим, произошел поворот от социально-исторической тематики к проблемам антропологии и онтологии, к проблемам «самопознания» (Н. Бердяев), которое литература и философия начала XX века понимали «как познание мира через человеческое существование» [4, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Телешов Н. Д. Записки писателя / Н. Д. Телешов. – М. : Московский рабочий, 1958. – 384 с.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX–XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru

2. Бунин И. А. Собр. соч. / И. А. Бунин: в 9 т. – М. : Художественная литература, 1965–1967. В дальнейшем произведения И. А. Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте работы.

3. Бунин И. А. Собрание сочинений / И. А. Бунин: в 8 т. – Т 3. – М. : Московский рабочий, 1994. – 560 с.

4. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 448 с.

5. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953 / Ю. Мальцев. – Посев, 1994. – 432 с.

6. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

7. Мопассан Ги. На воде / Ги Мопассан // https://booksafe.net/read/mopassan_gi-na_vode-162223.html. (Дата обращения 7.10.20).

Voronezh State University

Nikonova T.A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru